

СЕМИНАРСКОЕ ЗАНЯТИЕ № 9 ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА

Основные положения и вопросы темы:

Методология, метод, методика: сходства и различия. Методология как учение о принципах исследования, формах и способах научного познания. Три взаимосвязанных, иерархических уровня методологии: философская методология, общенаучная методология и частная методология. Законы, принципы и категории диалектики как составные части философской методологии. Разнообразие направлений в языкознании в зависимости от методологических принципов языковедов. Логика научного познания. Наблюдение, эксперимент и моделирование как общенаучные способы исследования. Интерпретация как важный общенаучный элемент процесса познания. Частная методология. Специфика лингвистических методов исследования. Метод как совокупность теоретических установок, приемов исследования, связанных с определенной теорией. Методика исследования как процедура применения того или иного метода.

Описательный метод изучения языка. Описательный метод как один из самых древних и традиционных в науке о языке. Наблюдение, обобщение, интерпретация и классификация как основные компоненты описательного метода. Наиболее значительные описательные исследования языка.

Сопоставительный метод изучения языка. Сопоставительный метод как один из аспектов исследования языка. Внутриязыковое и межъязыковое сопоставление лингвистических фактов. Идеи сопоставительного метода в работах Бодуэна де Куртене и Н. В. Крушевского. Морфологические классификации языков как наиболее яркое воплощение сопоставительного (типологического) метода. Сопоставительное, или типологическое, описание языков и универсалии. Основание сопоставления, сопоставительная интерпретация и типологическая характеристика как составные части сопоставительного метода.

Сравнительно-исторический метод в языкознании. Первые попытки генеалогической классификации языков. Приемы установления генетического тождества. Реконструкция праформ. Выбор основы для сравнения. Группировки языков в языковые группы и языковые семьи. Соотношение между двумя началами – сравнительным и историческим – в сравнительно-историческом методе.

Конструктивные методы изучения языка. Конструктивные методы в языкознании как отражение принципов математического конструктивизма. Теоретический аналог, или модель, как объект исследования в конструктивизме. Объяснительная сила модели. Генеративные, или порождающие, грамматики XX века как одно из воплощений конструктивных подходов к языку.

Дистрибутивный метод изучения языка. Дистрибуция как совокупность всех окружений, в которых встречаются те или иные элементы языка. Три основных типа дистрибуции: контрастная, дополнительная,

отношения свободного варьирования. Стадии процедуры канонического дистрибутивного анализа. Анализ по непосредственно составляющим.

Метод компонентного анализа в языкознании. Выделение минимального набора признаков у определенной совокупности языковых единиц и категорий языка как сущность метода компонентного анализа. Преимущественное использование метода при исследовании содержательной стороны языка. Распространение метода на все области языка: фонетику, семантику, лексику, грамматику.

Психолингвистический метод в языкознании. Возникновение психолингвистического метода. Особенности психолингвистического метода: обращение непосредственно к интуиции носителей языка, не анализ отдельных слов, а установление определенных отношений между словами и др. Свободный ассоциативный эксперимент как простейший прием в психолингвистике. Направленные ассоциативные эксперименты. Оценка смысловой близости слов. Ассоциативные словари.

Нейролингвистические методы в языкознании. Возникновение нейролингвистики как науки. Наблюдение как основной метод нейролингвистических исследований при возникновении и на протяжении классического периода в развитии науки. Современные нейролингвистические техники и приемы: ангиография в сочетании с амитал-натриевой пробой, стереотаксический метод, электростимуляция определенных участков мозга, дикотическое прослушивание и т. д. Использование методов других наук в комплексном изучении знакового поведения человека.

Количественные методы изучения языка. Использование подсчетов и измерений как сущность количественного метода в изучении языковых явлений. Разделение количественных методов на количественные и статистические. Описание поведения различных языковых единиц с помощью количественных методов. Частотные словари. Использование компьютеров в количественной обработке языковых данных.

Социолингвистические методы в языкознании. Связь истории языка с историей общества. Социолингвистика как стык социологии и лингвистики. Методы полевого исследования материала: анкетирование, интервьюирование, непосредственное наблюдение. Методы социолингвистического анализа языкового материала: стратификационная, ситуативная и коммуникативная классификации.

Экспериментальные методы в языкознании. Экспериментально-фонетические приемы исследования языка: соматические, пневматические и электроакустические (или электрографические) приемы. Алгоритмическое описание языка с помощью электронно-вычислительных машин и компьютерных технологий. Специфика эксперимента в языкознании.

Вопросы для обсуждения:

1. Методология, метод, методика: сходства и различия.

2. Описательный метод изучения языка.
3. Сопоставительный метод в языкознании.
4. Сравнительно-исторический метод в языкознании.
5. Конструктивные методы изучения языка.
6. Дистрибутивный метод изучения языка.
7. Метод компонентного анализа в языкознании.
8. Психолингвистический метод в языкознании.
9. Нейролингвистические методы в языкознании.
10. Количественные методы изучения языка.
11. Социолингвистические методы изучения языка.
12. Экспериментальные методы в языкознании.

Вопросы и задания для контроля и самопроверки:

1. Дайте определение методологии, метода, методики исследования.
2. Назовите уровни методологии.
3. Охарактеризуйте общенаучные способы исследования (наблюдение, эксперимент, моделирование, интерпретация).
4. Назовите основные компоненты описательного метода, дайте их характеристику.
5. Укажите составные части сопоставительного метода изучения языка.
6. В чем сущность сравнительно-исторического метода в языкознании?
7. Дайте характеристику конструктивных методов изучения языка.
8. Охарактеризуйте основные типы дистрибуции и стадии процедуры канонического дистрибутивного анализа.
9. В чем сущность метода компонентного анализа в языкознании?
10. Охарактеризуйте приемы психолингвистического метода в языкознании.
11. Назовите основные методы, техники и приемы нейролингвистических исследований.
12. Что представляет собой количественный метод изучения языка?
13. Укажите разновидности социолингвистических методов в языкознании, их сущность.
14. Назовите экспериментально-фонетические приемы исследования языка.

Темы рефератов:

1. Компаративистика как отрасль языкознания.
2. Дистрибутивный метод исследования языка.
3. Психолингвистика как область языкознания.
4. Нейролингвистические методы исследования языка.
5. Социолингвистические методы изучения языка.

Литература:

1. Белл Т.Р. Социолингвистика. М., 1980.

2. Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1984.
3. Боженко Л.Н., Липская Т.Н. Общее языкознание: История и методология. Мозырь, 2002.
4. Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
5. Вахтин Н.Б. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004.
6. Гируцкий А.А. Общее языкознание. 3-е изд., стереотип. Минск, 2003.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 2003.
8. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
9. Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические методы. М., 2002.
10. Макаев Э.А. Общая теория сравнительного языкознания. М., 2004.
11. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
12. Методы изучения лексики. Минск, 1975.
13. Мечковская Н.Б., Плотников Б.А., Супрун А.Е. Общее языкознание: Сущность и история языка. Минск, 1993.
14. Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия. М., 2003.
15. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика: проблемы и методы. М., 1977.
16. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 2003.
17. Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989.
18. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М., 2001.

ТЕКСТЫ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

ТЕКСТ 1. А.А. ГИРУЦКИЙ. СТРУКТУРА СЛОВА

Нейролингвистическое программирование

Возникновение и становление нейролингвистического программирования – НЛП – как самостоятельной области научного знания относится к 70-ым годам XX столетия. Нейролингвистическое программирование тесно связано с другими психотерапевтическими направлениями – гештальттерапией, телесной терапией В. Райха, гипнотерапией и другими, являясь в то же время специфической отраслью научного знания со своими принципами, методами и методикой. Само сложное терминологическое название данной области науки указывает на три основных принципа, положенных в ее основу. Первый принцип, обозначенный частью “нейро”, покоится на тесной связи физиологических и психических процессов: неврологические процессы выступают в качестве субстрата, физиологических основ психического поведения личности. Здесь верно и обратное: психическое состояние может оказывать влияние на особенности протекания физиологических процессов в организме человека.

“Лингвистическая” часть названия отражает второй фундаментальный принцип нейролингвистического программирования – связь речевого поведения с психофизиологическими процессами. Эта связь в различных ее проявлениях давно и плодотворно исследуется нейролингвистикой, психолингвистикой, теорией речевой деятельности.

Новизна научного направления заключена в третьей части названия – “программирование”, в котором заложен еще один фундаментальный принцип, связанный с получением необходимых результатов поведенческого характера с помощью воздействия на личность речевыми и некоторыми иными знаковыми стимулами.

Строго говоря, отмеченные фундаментальные принципы в нейролингвистическом программировании глубоко не разрабатываются, а иногда даже и не формулируются, хотя и вытекают из названия самой области знания. Расшифровкой названия чаще всего и ограничивается теоретическая разработка данных фундаментальных принципов. Нейролингвистическое программирование ориентируется прежде всего на субъективную модель мира личности. Но из этого вовсе не следует, что необходимо отказываться от теоретической разработки некоторых глобальных проблем. Как было показано выше, “субъективная модель мира” личности смыкается с фундаментальным принципом отражения действительности, который носит название антропного принципа. Более того, следует иметь в виду, что физическое тело человека связано со всей Вселенной. Еще в Тантрах утверждалось: “Человеческое тело — резюме Вселенной... Все наши члены, все наши органы соотносятся с силами, циркулирующими в космосе и сформировались в связи с ними... Горнее существо человека не имеет какой-либо формы, но состоит только из сил, токов, энергий, света и излучений, конденсация которых создала физические органы, какими мы их знаем”... Как установлено в монографии, существует структурный изоморфизм между языком, мозгом, генетическим кодом, человеком, элементами космоса и устройством микромира. Человек предстает как микрокосм, вмещающий в себя все богатство и возможности космического разума. Оказалось, что “всё связано со всем”, и справедливо утверждение древних: “что есть здесь, то есть и повсюду, а чего здесь нет, того нет нигде”. При этом энергоинформационный мир, энергоинформационные потоки являются первичными по отношению к физическому миру, формируют его. Без ясного представления об этом нейролингвистическое программирование будет оказываться поверхностным.

Следует заметить, что во многих работах по нейролингвистическому программированию подчеркивается важность решения метафизических вопросов (зачем мы здесь? каково наше предназначение? и др.), отмечается духовный уровень как фундамент нашего существования, как самый глубокий уровень, управляющий нашей жизнью, указывается, что каждый из нас потенциально является Космическим Разумом. Вместе с тем и

справедливо замечается, что в условиях нашей планеты, чтобы обеспечить биологическое выживание, Космический Разум должен был сузиться при помощи перекрывающих клапанов мозга и нервной системы... Наше ощущение механизмов раскрепощения – одна из задач нейролингвистического программирования.

Принято считать, что НЛП – это наука и искусство одновременно. Нейролингвистическое программирование – это модель того, как отдельные люди структурируют свой уникальный жизненный опыт. Теория нейролингвистического программирования предполагает выделение и описание паттернов (устойчивых элементов поведения) в любой области человеческой деятельности и создание на их основе моделей эффективной коммуникации. Практика НЛП предполагает обучение эффективной личностной модели поведения в различных коммуникативных ситуациях. И в этом смысле НЛП – искусство, поскольку учитель и ученик вносят свою уникальную индивидуальность в то, что они делают, а это невозможно отразить в общих технологиях...

По определению К. Бессер-Зигмунд, НЛП – это психотерапевтический метод, направленный на то, чтобы позитивно влиять на внутренние процессы (мысли) и трансформировать нейронные связи в мозге. Техника нейролингвистического программирования базируется на знании того факта, что известные психотерапевты обладают способностью интуитивно улавливать внутренний мир клиентов и обращаться непосредственно к нему, вернее, к тому отражению внешнего мира, в соответствии с которым живет клиент. Искусство НЛП – только и только найти подход к различным людям, сидящим напротив, проложить подходящий путь в их внутренний мир...

Моделирование субъективного опыта – один из постулатов, провозглашаемых создателями нейролингвистического программирования. Каждый человек создает отличную от других модель общего для всех мира и живет в несколько иной реальности, особенности которой определяются рядом факторов – полом, возрастом, образованием, местом и временем проживания индивидуума и т. д.

Авторы нейролингвистического программирования выделяют три категории ограничений, создающих субъективную модель мира: нейрофизиологические ограничения, социальные ограничения и индивидуальные ограничения. Первый тип ограничений изначально детерминирован генетическими факторами и представляет собой своеобразный комплекс фильтров, который обуславливает отличие репрезентации мира от самого физического мира. Социальный опыт личности, общественные условия ее проживания также накладывают ряд ограничений, фильтров на модель мира индивидуума. Под индивидуальными ограничениями в нейролингвистическом программировании понимаются все ограничения, которые создают люди, опираясь на собственный уникальный жизненный опыт, в котором каждый человек располагает неповторимыми

историями и переживаниями, специфическим опытом личного развития и роста, принадлежащим только ему...

Функции моделирования, декларируемые в нейролингвистическом программировании, заключаются в создании описаний, которые являются полезными в получении успешных результатов. “Мы не предлагаем ничего истинного, а предлагаем только полезное, – утверждают основатели нейролингвистического программирования. – Как людям, чьей целью является создание моделей, нам совершенно не интересно, правдивы ли наши утверждения, точны ли они, подкрепляются ли данными из неврологии. Мы интересуемся только тем, работают ли они”... Субъективная модель мира в НЛП – это композиция верований, внутренних процессов и поведения, позволяющая личности вести себя так, как она это делает. Вместе с тем создание успешных моделей личностного поведения базируется на некоторых базовых предположениях НЛП, важнейшими из которых являются следующие: каждый человек живет в своей собственной уникальной модели мира; реальность равна соглашению; Вселенная – сфера дружелюбная; люди обладают двумя уровнями коммуникации – сознательной и бессознательной; сознание и тело – части одной и той же кибернетической структуры, а все, что происходит в одной части такой структуры, имеет отражение в других ее частях; каждый уже имеет все, что ему необходимо: все ресурсы для того, чтобы быть всем кем угодно или делать все что угодно, если он способен использовать эти ресурсы в нужный момент и в нужной последовательности; люди осуществляют самый лучший из известных и доступных им выборов в любой момент времени; каждая проблема имеет свое решение; существует различие между личностью и поведением, которое она демонстрирует; мотив, который стоит за любым поведением, позитивен.

Эти тезисы находятся в русле известных положений гуманистической психологии. Базовые предположения нейролингвистического программирования емко укладываются в точные слова о сущности человека итальянского мыслителя эпохи Возрождения Пико делла Мирандолы, которые он вложил в уста Бога: “Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”...

Центральным понятием нейролингвистического программирования является понятие мета-модели (гр. *meta* – после, за, через; обозначение системы, которая служит для описания другой системы) – эффективной терапевтической модели языка, которая позволила бы сделать язык орудием успешной психотерапии. Мета-модель восстанавливает связь между языком и индивидуальным опытом и представляет собой серию вопросов, цель которых – восполнить утраченную информацию, восстановить разрушенную структуру, извлечь специфическую информацию из ответов, чтобы придать

смысл коммуникации. С помощью специальных вопросов разгадываются упущения, искажения и обобщения языка, глубинные ассоциативно-вербальные связи, за которыми скрывается индивидуальный опыт личности, в том числе и мучающие ее проблемы. К числу важнейших структурных элементов мета-модели, устанавливающей эффективную коммуникацию между психотерапевтом и клиентом, относят неспецифические глаголы, неспецифические существительные, модальные операторы возможности и необходимости, универсальные квантификаторы, процессы номинализации, сравнения, суждения, комплексной эквивалентности, пресуппозиции и некоторые другие...

К числу актуальных проблем нейролингвистического программирования относится разработка вопросов установления и поддержания раппорта во время коммуникации (*rapport*, буквально: связь, отношение, взаимоотношение, взаимопонимание, гармония, согласие; процесс построения и поддержания отношений взаимного доверия и понимания между двумя или более общающимися; глубокое чувство взаимного доверия). В НЛП раппорт предполагает позитивные намерения общающихся и включает в себя уважение к модели мира другого человека. В достижении раппорта важную роль играют все репрезентативные системы: визуальная (отзеркаливание взгляда и жестов), аудиальная (присоединение к тону и смыслу разговора), кинестетическая (эмоции, ассоциации, прикосновения), обонятельная и вкусовая (мощные и очень быстрые связи с ощущениями).

Важным для НЛП остается описание репрезентативных систем, соответствующих основным сенсорным каналам, и их языкового выражения с учетом национальной языковой специфики. Приводимые в работах примеры сенсорноопределенных слов и выражений не охватывают всей лексики данных тематических групп. Кроме того, в разных языках будет наблюдаться их разная частотность и значимость. Не менее актуальной и значимой остается характеристика роли невербальных каналов информации в достижении раппорта применительно к национальному менталитету. Считается, например, что в акте коммуникации 55 % воздействия определяется языком телодвижений (поза, жесты, контакт глазами), 38 % влияния вызывается тоном голоса и лишь 7 % – содержанием того, о чем говорится. Однако известно и то, что жестикуляция играет различную роль у разных народов. На протяжении часового разговора мексиканец, например, использует жестикуляцию 180 раз, француз – 120, итальянец – 80, а финн – всего один раз. Учет специфики национального менталитета является неотъемлемым фактором при установлении чувства взаимного доверия между психотерапевтом и клиентом.

Большое место в нейролингвистическом программировании занимают техники НЛП – методы психотерапевтического вмешательства, которые приводят к получению желаемых результатов. Значительную роль среди них играют техники якорения, где якорь рассматривается как фрагмент прошлого

опыта, вызывающий положительные или отрицательные эмоции. Например, слово *экзамен* для многих студентов является якорем, они волнуются и теряют способность показывать лучшие результаты. С помощью техники якорения расширяется эмоциональная свобода человека, он освобождается от прошлых негативных переживаний и создает более оптимистичное будущее...

Изменению личной истории человека и созданию позитивного будущего служат и другие техники НЛП: техники субмодальностей, трансовые техники, рефрейминг. В буквальном смысле субмодальности представляют собой способы, которыми наш мозг сортирует и кодирует опыт. Выделяют субмодальности визуальные (цветность, глубина, яркость, контрастность, резкость и т. д. зрительной картинки восприятия), аудиальные (громкость, тон, тембр, длительность, непрерывность или дискретность, скорость и т. д. звукового рисунка при восприятии) и кинестетические (локализация, интенсивность, температура, тяжесть и т. д. ощущений). Субмодальные техники изменения используются для модификации тех способов, какими мы думаем о своем опыте и реагируем на него...

Основой трансовых техник нейролингвистического программирования является эриксоновский гипноз, в процессе которого пациент снова переживает свой прошлый опыт, а позитивный ресурс затем развивается и закрепляется в его репертуаре для использования в настоящем и будущем. Трансовые техники основаны на том, что в самих людях содержится механизм, способный осуществлять позитивные изменения, но при этом люди должны быть убеждены в такой возможности, а сами изменения должны быть мотивированы. На этом же базируется и рефрейминг, который нередко называют переформированием. Он представляет собой перекомбинацию с помощью определенных техник прежнего болезненного и нежелательного опыта таким образом, чтобы он оказывался ценным и потенциально полезным... Техники НЛП также нуждаются в дальнейшем усовершенствовании и разработке.

Таким образом, нейролингвистическое программирование помогает с помощью слова, языка корректировать личностную историю, достигать гармонии между внешним миром и внутренним миром человека. Однако наиболее значимые результаты в нейролингвистическом программировании могут быть получены, если использовать имя Абсолюта. Это вытекает из энергетической мощности имени, его способности гармонизировать любые процессы во Вселенной и человеке, включая генетический уровень личности. Разработка техник такого программирования становится актуальной задачей для науки.

(Гируцкий А. А. Структура слова. Минск, 2005. С. 227-234.)

ТЕКСТ 2. Б. А. ПЛОТНИКОВ. ОСНОВЫ СЕМАСИОЛОГИИ

Нерешенные проблемы и перспективы семасиологии

Объективное познание плана содержания предполагает учет всевозможных факторов существования и функционирования языка, а также применение разнообразных методов его исследования. Факторы, способствующие познанию семантики, так же сложны и многообразны, как и сам план содержания. К этим факторам следует прежде всего отнести формы языка, в которых реализуются различные виды семантических явлений. Формы выражения могут быть явные, т. е. такие, в которых достаточно четко воплощаются отдельные моменты плана содержания (звукоподражания, внутренние формы слов, грамматические значения и др.), и скрытые, выявляемые путем специальных лингвистических процедур (языковые трансформации, анализ лексической сочетаемости, сопоставление фактов разных языков в синхронии и диахронии и др.).

Путь исследования плана содержания через план выражения представляет собой наиболее оптимальный и достоверный способ описания семантики, способ, поддающийся воспроизведению и проверке, позволяющий классифицировать и характеризовать многие семантические явления так же строго, как и языковые формы. Однако изучение плана содержания не сводится только к учету форм языка и, главное, не исчерпывается ими, поскольку значительная часть семантики не представлена в конкретных актах говорения формами языка, а остается невыраженной в сознании носителей языка. Для участников общения не оформленные языком элементы семантики имплицитно содержатся в ситуации общения, в жестах и других паралингвистических средствах, сопровождающих речь, в предварительных знаниях о мире и о предмете разговора, в традиционном опыте всего языкового коллектива, считающего некоторые аспекты плана содержания самоочевидными и не требующими языковых форм для их выражения. Иначе говоря, одна из проблем состоит в учете формально не выраженных значений (пресуппозиций).

Если для человека наличие определенной суммы знаний, на фоне которых формируются языковые значения, служит по отношению к времени говорения заранее заданным условием, то у кибернетических устройств, предназначенных для переработки языковых данных, подобных предварительных знаний нет, а без них сфера использования «разумных» машин остается в пределах только той информации, которая поддается алгоритмическим и количественным представлениям. Значит, одна из важных нерешенных проблем семасиологии заключается в разработке способов формирования определенного минимума фоновых знаний, призванных обеспечить выражение значений посредством языковых форм и типичных ситуаций, через которые они могут быть восприняты и правильно

поняты. Поиски решения этой фундаментальной семасиологической проблемы ведутся как в нашей стране, так и за рубежом...

Вторая принципиальная проблема, стоящая на пути исследования плана содержания языка, заключается в его идиоматичности, которая представляет собой естественное семантическое свойство живых языков и является по своей природе нелогичной, сугубо национальной сущностью, не поддающейся точному пословному переводу с одного языка на другой, а также буквальному пониманию сообщения. Под влиянием идиоматичности происходят разнообразные сдвиги в лексических значениях, что делает слово такой семантической категорией, в которой имеется, по существу, неисчерпаемый потенциал содержания, способный проявляться в лексической сочетаемости. Кроме того, на идиоматичности во многом основываются эстетические и экспрессивные возможности языка, трудно поддающиеся формальному учету и логическому осмыслению.

В информационных языках из-за их тематической ограниченности пресуппозиция представлена в меньшей степени, а идиоматичность практически и вовсе отсутствует, поэтому современные ЭВМ способны вести диалог с человеком и между собой на этих языках и обрабатывать некоторые виды информации, закодированные ими, опираясь на более или менее строгое соответствие формы и содержания языков. Чем строже и логичнее связаны в языке план содержания и план выражения, тем более доступен текст на этом языке для автоматического анализа.

В прикладной инженерной лингвистике к настоящему времени достигнуты некоторые результаты в исследовании семантических явлений со стороны явных форм их выражения (морфологический и синтаксический анализ сообщения, статистическая обработка текстов, создание его словарей и словарей пословный автоматический перевод и др.). Глубинные вопросы семантики, связанные с многозначностью и идиоматичностью языковых единиц, с пресуппозицией, практически еще не имеют эффективных средств своего строгого описания. Однако существенным представляется то, что эти проблемы поставлены перед прикладным языкознанием и ведется поиск их решения.

Существенным представляется выявление соответствия между определенными языковыми формами и выражаемым ими содержанием. Становится более или менее очевидным, что каждой конкретной форме присуще свойство воплощать некоторый вид языкового содержания. Так, во внутренней форме слова представлено его исходное, этимологическое значение; грамматические значения реализуются посредством разнообразных формальных показателей; фонетическое значение — в звуко-символизме, синтагматическое — в синтаксической и лексической сочетаемости слов, парадигматическое — в способности слова входить в семантические группировки и т. д. И в то же время различные виды и аспекты плана содержания образуют единую внутреннюю сущность языка, требующую для своего познания наряду с разнообразными дифференцированными приемами

исследования и общего синтетического подхода. Синтез значения после анализа приводит к получению качественно новых знаний о семантике языка.

Семантические явления имеют сложный динамический характер, основанный на их прямой связи с окружающей действительностью и психикой человека. Поэтому для адекватного познания семантики нужен такой метаязык, который бы обеспечил учет и стабильных и переменных ее компонентов. Этого можно достигнуть путем применения гибких, скользящих процедур лингвистического анализа, базирующихся в зависимости от специфики рассматриваемых семантических явлений то на логических, то на вероятностных началах. Чтобы учесть многоликость и разнообразие функционирующей семантики, метаязык описания должен иметь логико-вероятностный характер, опираться на такие средства, с помощью которых можно было бы охватить и зафиксировать все виды семантических проявлений. Так же как в целом для описания естественных языков универсальным средством исследования по-прежнему остается сам естественный язык, план его содержания целесообразнее всего описывать с помощью элементов этого же плана содержания, что предпочтительнее искусственных метаязыков, которые не всегда в состоянии справиться с проблемой адекватного представления сложных семантических явлений языка.

Одним из наиболее оптимальных средств для создания подобного метаязыка могут служить дистрибутивные свойства языковых единиц... поскольку, во-первых, в сочетаемости реализуются те элементы плана содержания, которые характерны для слова как динамической, функционирующей единицы; во-вторых, через сочетаемость учитывается идиоматичность слов, в которой заключены сдвиги их значений; в-третьих, из сочетаемости образуется контекст слова, что способствует выделению семантических свойств лексемы, представленных на фоне этого контекста. Короче говоря, анализ сочетаемости помогает последовательно регистрировать различные стороны содержания слова и имеет выход к учету идиоматичности и фоновых знаний, закрепленных в лингвистических контекстах.

Динамическая сторона семантических явлений может наблюдаться и фиксироваться с помощью применения разнообразных методов, в ходе употребления каждого из которых удастся получать специфические сведения о значении, не воспроизводимые посредством других методов. Очевидно, что, чередуя и выбирая в зависимости от своеобразия рассматриваемого семантического явления различные методы исследования, языковеды могут получать с их помощью как общие, повторяющиеся результаты, так и неповторимые данные, добываемые только посредством определенного метода. По все вероятности, в одинаковых или сходных результатах, получаемых в ходе применения различных методов, содержатся сведения о стабильных, постоянных моментах семантических явлений, а в непересекающихся результатах – о переменных, ситуативных моментах этих

же явлений. Отсюда, чем разнообразнее и многочисленнее способы представления результатов исследования того или иного семантического явления, тем четче определяются постоянные и переменные компоненты значения и тем объективнее выглядит картина описания значения.

Дальнейшее углубленное развитие семасиологии и достижение конкретных результатов в этой области должны привести к созданию новых толковых, синонимических, антонимических, фразеологических словарей, в которых определяемая единица получит более точные и исчерпывающие семантические характеристики, основанные как на качественных, так и на количественных показателях. В словарях синонимов, например, целесообразно указывать не только перечень синонимичных слов, но и степень их синонимической связи, семантический объем слов, с учетом которого должна выявляться доминанта. Во фразеологических словарях существенным представляется указание на степень семантической спаянности сочетающихся слов. Не исключена возможность составления словарей, в которых бы было представлено семантическое описание наиболее распространенных типов предложений и важнейших пресуппозиций.

(Плотников Б. А. Основы семасиологии. Минск, 1984. С. 210-214.)

ТЕКСТ 3. Р. М. ФРУМКИНА ПСИХОЛИНГВИСТИКА

СЛОВЕСНЫЕ АССОЦИАЦИИ

1. Ассоциации как феномен культуры

Ассоциации – это связь между некими объектами или явлениями, основанная на нашем личном, субъективном, опыте. Опыт этот может совпадать с опытом той культуры, к которой мы принадлежим, но всегда является также и сугубо личным, укорененным в прошлом опыте отдельного человека.

Так, для любого человека европейской культуры черный цвет – это прежде всего цвет траура, тогда как в японской культуре в том же качестве выступает белый цвет. Очевидно, что здесь имеет место некая культурная условность, которую мы называем “символикой цвета”. При этом для отдельного индивида не важно, почему так сложилось, что именно черный (или белый, или зеленый) цвет принято считать цветом печали, поскольку человек рождается в уже готовый мир. Черный **ассоциируется** у нас с трауром, ибо так **принято**.

...В других случаях сама по себе связь между явлениями оказывается не условной, а фактической. Человек, однако же, и такие связи усваивает через социальное познание, т. е. через свое существование в культуре. Например, мы рисуем чаще всего карандашом, а пишем – ручкой. И хотя можно рисовать углем, тушью и фломастером, а писать на компьютере, но

все же (по крайней мере, до недавнего времени) мысль о рисунке в процессе рисования вызывала ассоциацию именно с карандашом, а представление о процессе письма вызывало мысль о ручке.

Фактические ассоциативные связи типа кошка – мурлыкать или кошка – мяукать, печка – дрова, труба – дым, роза – запах розы образуются и закрепляются в нашей памяти по мере приобретения жизненного опыта.

В немалой мере этот опыт чисто индивидуален. Кому-то запах гвоздики напоминает кресло зубного врача и связанные с этим болезненные ощущения, что не так и странно, если знать, что стоматологи используют препарат, пахнущий гвоздичным маслом. Не у всех, однако, именно эта ассоциация закрепились.

Кто-то мрачнеет от одного вида собаки-боксеры, потому что некогда у него погиб любимый пес именно этой породы. Я встречала людей, которые любили облетающие осенние деревья, потому что самые значимые события в их жизни случались осенью.

Яркий пример глубоко личных ассоциаций являет музыка. Одно и то же сочинение может вызывать у разных людей не просто **разные** чувства, но порой чувства с противоположным знаком.

Ассоциативные процессы как феномен психики изучали с древности. В Новое время ими более всего занимались психологи и психиатры. На том этапе становления психологии как самостоятельной науки, который принято считать начальным, психологи вообще считали, что изучение ассоциативных связей, процессов их формирования и закрепления – это и есть главная их задача.

Интерпретация сновидений – основной метод, который использовал основатель психоанализа Зигмунд Фрейд, также базировался на выявлении ассоциаций. Его ученик Карл Густав Юнг считал исследование ассоциаций главным инструментом психоанализа. В русле таких интересов были составлены первые списки ассоциаций, которые долго рассматривались как отправная точка для суждений о психической норме. Авторами этих списков были американцы А. Розанов и Х. Кент, а сам материал впервые был опубликован в 1910 г. в «Американском журнале изучения психических заболеваний».

Психологи и поныне изучают ассоциации, предъявляя своим испытуемым в качестве стимулов различные слова, изображения, цветообразцы, а в качестве ответов изучают свободную интерпретацию увиденного или рассказ об эмоциях, которые вызывает предъявленный стимул...

Психолингвистика занимается более узким кругом ассоциативных процессов – она изучает только **ассоциации словесные**, или, как нередко говорят, **вербальные**. Обычно с целью изучения словесных ассоциаций проводится ассоциативный эксперимент (далее сокращенно – АЭ).

...Общепринятая методика АЭ выглядит следующим образом. Ии. (индивидуально или в группе) предъявляется некоторый набор слов-

стимулов. Инструкция предлагает в качестве реакции написать первое же слово (или несколько слов), которые приходят в голову как ответ на предъявленный стимул.

При этом по умолчанию предполагается, что ответы на каждый отдельный стимул мало зависят от порядка их предъявления. Для чистоты картины, однако, обычно предъявляются по крайней мере два варианта списков стимулов, например, составленный в алфавитном и обратном ему порядке.

Если согласно инструкции в качестве ответов предлагается давать более чем одно слово, то предполагается, что эти слова-ответы даются именно на предъявленный стимул, т. е. что они не порождаются в качестве ответов друг на друга.

Инструкция отвечать «первым словом, которое придет на ум», имеет принципиальный характер. Ассоциативная реакция-ответ должна следовать немедленно – и. не должен **размышлять** над тем, что бы ему такое сказать и как отреагировать. Всегда ли именно так происходит «на самом деле», мы, по правде сказать, не знаем. Однако само понятие **ассоциативного процесса** исключает идею **отбора ответов**. Если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом в истории психологии смысле...

Ассоциативные процессы изучаются более ста лет, и за это время методика АЭ осталась почти той же. Зато существенно менялись цели изучения ассоциативных процессов. При чтении дальнейшего текста важно помнить, что я буду говорить только о таких исследованиях, где **стимул является словом и ответ на него – также словом**.

Впрочем, психолингвистика относит к вербальным ассоциациям и случаи, когда стимулом является не целое слово, а его часть – слог или даже не являющееся слогом сочетание звуков или букв.

...Ученые уделили много внимания и тому, что происходит, если в качестве стимулов предъявлять не только структуры, меньшие, чем слово, но и большие, чем слово, – например, словосочетания. Скажем, предъявляя в качестве стимула словосочетание *есть кашу*, мы можем сравнить частоты ответов типа *ложкой, с маслом, с молоком, на завтрак* и т. д. Соответственно, если предъявить в качестве стимула сочетание *на завтрак*, то весьма вероятно среди прочих частых ответов получить ответ *кашу* (именно в винительном падеже). Изучение подобных ассоциативных связей Ю. Н. Караулов назвал построением «ассоциативной грамматики»...

Имеется в виду, что владение языком в том и состоит, что в психике носителя не «записана» отдельно лексика и отдельно – грамматика в виде правил лексической и грамматической сочетаемости, а что вся эта система функционирует совокупно. Иными словами, частота таких ассоциативных пар, как *бабушка – старая, бабушка – в платке, бабушка – дедушке, бежать – быстро, бежать – по асфальту*, демонстрирует актуализацию владения не только семантикой, но и грамматикой.

Вообще же такого рода сопоставления предполагают, что в среде людей, для которых русский язык является языком родной культуры, **связи** между поеданием каши и ложкой; кашей и маслом или молоком и т. п. являются **устойчивыми** и **типичными**.

Этот мотив использован М.А. Булгаковым в его романе “Мастер и Маргарита”, когда на вопрос артиста “что могут подбросить?” первым следует ответ из зала – *ребенка*, а далее артист перечисляет “типичные” для ситуации ‘подбросить’ объекты – *ребенка, анонимное письмо, прокламацию, адскую машину*, но никак не *доллары*, как уверял всех несчастный Никанор Иванович. Очевидно, что сегодня в сходном контексте этот ряд был бы совсем другим.

Из сказанного ясно, что как феномен **ассоциативная связь** определена именно культурой во всем ее многообразии – всеми знаниями, опытом, в том числе – чувственным опытом, но при этом таким опытом, в котором мы не отдаем себе отчета. Мы ведь специально не думаем о том, что мех – пушистый, а лимон – кислый. Этот опыт у взрослого человека настолько автоматизирован, что большинство людей на слово *мех* и на слово *лимон* в АЭ дадут именно ответы *пушистый* и *кислый*. Используя ассоциации в АЭ, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики.

Общность ассоциаций фиксируют так называемые словари «ассоциативных норм». В них обычно в качестве заглавного слова даются слова-стимулы, а ответы на это слово упорядочены по частоте встречаемости. Например, в Болгарии в 1984 г. был опубликован тщательно составленный указатель болгарских ассоциативных норм... Для составления этих норм 200 болгарских слов в качестве стимулов были предъявлены на слух 1000 ии. (из них – 550 женщин и 450 мужчин) разных возрастов и профессий, для которых болгарский язык был родным.

Ии. получили инструкцию в течение 5 секунд записать первое слово, которое им пришло в голову после того, как они услышали слово-стимул. Для большей надежности результаты были разбиты случайным образом на 10 выборок по 100 ии. в каждой. Из полученных 10 ассоциативных словарей и был затем составлен словарь «норм». В этом словаре даны отдельно ответы мужчин и женщин, указано общее число различных слов-ассоциаций, полученных в качестве ответов на данный стимул, а также приведены любопытные сравнительные данные по болгарскому языку и ряду других языков.

Например, в одном из приложений показано, насколько самые простые, «конкретные» слова различаются по кругу вызываемых ими ассоциаций в разных культурах. Приведем в качестве примера три самые частые ассоциации на сему ‘СЫР’. Я говорю именно о **семе**, а не о слове, поскольку в разных языках ‘СЫР’, как выясняется на материале ассоциаций, – это концепт, соответствующий разным пищевым продуктам.

Итак, русское *сыр* в качестве трех самых частых ассоциаций порождает ответы *голландский*, *вкусный* и *желтый* (оба ответа с равной частотой), а также *масло*. Болгарское слово *сирене* порождает ассоциации *овче*, *бяло* и *солено* (т. е. *овца*, *белый* и *соленый*). Очевидно, что речь идет не о сыре в русском понимании, предполагающем прежде всего твердый сыр, а о том его виде, который у нас называется словом *брынза*.

Действительно, в болгарской культуре брынза занимает совсем не то место, которое в русской культуре занимает сыр, а, скорее, то место, которое у нас занимает картошка или блюдо типа щей, поскольку наряду с хлебом принадлежит к основным продуктам питания.

Англ. *cheese* приносит свои сюрпризы – ассоциируется с *крекерами*, *мышами* и *хлебом*. Любопытны ответы французов: на слово *fromage* – самые частые ответы – *blanc*, *gruyère* и *camember*. В соответствии с традициями своей культуры для французов, как можно заключить из этих данных, существует не вообще «сыр», а прежде всего **сорта сыра**.

Интерпретацию ответов носителей немецкого языка предоставляю читателю: здесь самые частые ассоциации – это *Butter* (масло), *Brot* (хлеб) и *Milch* (молоко).

Обычно, если предъявленные слова-стимулы достаточно часты, то стандартные для данной культурной среды ответы скорее преобладают. В этой своей части результаты любого АЭ хорошо воспроизводимы: если его повторить в аналогичной группе лиц, то результаты будут близкими.

В психолингвистике внимание исследователей направлено на изучение массовидных, а не индивидуальных ответов-ассоциатов. «Ассоциативные нормы» и ассоциативные словари и служат тому примером. «Нормы» составляются на основе массовых обследований и называются так именно потому, что фиксируют *ожидаемые* в данной культуре и типичные для нее (и обслуживающего эту культуру языка) ответы. «Ассоциативные нормы» обычно используются психологами и психиатрами для оценки того, в какой мере ассоциативные ответы того или иного индивида или группы индивидов похожи или отличны от «среднеожидаемого».

Ассоциативные словари по структуре не отличаются от «норм», но они не претендуют на прогнозирование ответов, а скорее отражают ситуацию на период обследования.

Например, ассоциативные словари детей разных возрастов наглядно показывают, как меняется **тип ассоциаций** и как увеличивается их разнообразие. Известно, в частности, что в более раннем возрасте у детей преобладают так называемые синтагматические ассоциации: на стимул *лампа* ребенок ответит *горит*, на стимул *стул* – *сиду* и т. п. Ребенок как бы вспоминает кусочки известных ему фраз. С возрастом увеличивается число парадигматических ассоциаций вида *лампа* – *свет*, *стул* – *стол*.

В среднем же обычно отмечают следующие типы ассоциативных связей:

смысловая близость, где в пределе ассоциативным ответом является слово-синоним: *большой – огромный, хотеть – желать, плавать – купаться, талант – способности, ровный – гладкий;*

смысловая противопоставленность, где в пределе слово-антоним: *белый – черный, лежать – сидеть, бежать – стоять, день – ночь, гладкий – шершавый, свой – чужой;*

созвучность, рифма по типу *кино – вино, цвет – свет, густой – пустой;*
отношения “выше – ниже” по типу *фрукт – яблоко, груша; металл – сталь;*

отношения “часть – целое” и “целое – часть” по типу *дом – комната, день – час, ночь – сутки, корень – дерево, стебель – растение.*

Ассоциации могут сказать нам очень многое о тех неосознаваемых структурах, в которых мы мыслим окружающий нас мир...

(Фрумкина Р. М. Психоллингвистика. М. 2001. С. 189-194.)

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ